

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Н.Н. Бектимирова*

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЛЕГИТИМАЦИЮ ВЛАСТИ В СТРАНАХ ВОСТОКА (НА ПРИМЕРЕ КАМБОДЖИ)

В статье рассматривается соотношение современных и традиционных форм легитимации власти в странах Востока на примере Камбоджи. На базе обширного массива нового фактологического материала показано, что в условиях расширяющегося процесса демократизации и выборности высших органов власти у правящих элит Камбоджи сохраняется устойчивая потребность в дополнительной легитимации через ценностные установки традиционной политической культуры.

Ключевые слова: легитимация, власть, традиционная культура, Камбоджа.

This paper examines the correlation between modern and traditional forms of legitimation of authority in the Orient using the example of Cambodia. On the basis of extensive previously untapped empirical material the author demonstrates that in the process of expanding democratization and the strengthening of electoral institutions Cambodian ruling elites retain a pressing need for additional mechanisms of legitimation through the value system of traditional political culture.

Key words: legitimation, authority, traditional culture, Cambodia

В XX в. бурно развивавшаяся политическая модернизация стран Востока привела к тому, что в большинстве из них прочно утвердились западные формы политической организации, которые основываются на уважении демократических ценностей (свободы слова, выборности, верховенства закона и др.) и функционировании соответствующих институтов (политических партий, парламента). Неотъемлемой частью политического процесса на Востоке стала

* Бектимирова Надежда Николаевна, д.и.н., профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова (e-mail: naddy@online.ru).

выборность высших органов власти как главный показатель легитимности правящих элит.

Однако возникает вопрос о том, можно ли в странах Востока рассматривать проблему легитимности лишь с точки зрения итогов избирательных кампаний, в узкой, двухмерной, рациональной плоскости — легитимный/нелегитимный? На наш взгляд, к ней следует подходить как к явлению более сложному и емкому, многоплановому и комплексному, ведь само понятие власти относится одновременно и к сфере политики, и к сфере культуры.

Восприятие власти на Востоке традиционно имело очень мощную культурно-религиозную основу, включавшую и мифологию, и религию, и ритуал, и политический опыт как таковой, что создавало особую форму и высокую степень ее авторитета. Достаточно взглянуть на власть через призму традиционной культуры, чтобы понять, какая именно власть, в какой степени и для кого является ценностью, каковы взаимоотношения между властью и престижем, властью и моралью, властью и сакральностью. Следует признать, что в странах Востока именно традиционные источники легитимации делают власть по-настоящему авторитетной, наполняют ее символическим смыслом национальной ценностной системы, приводят в соответствие с массовыми стереотипами властных отношений. Обращение к традиционным формам легитимности, как правило, становится особенно актуальным в периоды быстрой политической и экономической модернизации, когда в обществе резко усиливается социально-экономическая дифференциация.

В этом плане интересный материал о соотношении современных и традиционных форм легитимации власти дает пример Камбоджи, где процесс демократизации, начавшийся в 90-е гг. XX в., инициировался и осуществлялся под непосредственным руководством международных акторов, в первую очередь ООН.

С момента образования в 1993 г. нового государства — Королевства Камбоджа — важным фактором его политической жизни стали выборы высших органов власти, которые рассматривались как важнейший показатель процесса демократизации. Летом 2008 г. всеобщие выборы в Национальное собрание проходили в пятый раз и завершились уверенной победой Народной партии Камбоджи (НПК). Правящая НПК постоянно уделяет повышенное внимание подготовке и проведению выборов, а также их соответствию международным стандартам. Весь пятнадцатилетний опыт существования Королевства Камбоджа свидетельствует о том, что эта демократическая процедура весьма импонирует правящей элите во главе с премьер-министром Хун Сенем, считающим выборы необходимым и надежным способом легитимации власти как внутри страны, так и на международной арене.

Однако с конца 1990-х гг. в Камбодже наблюдается ярко выраженное стремление руководства НПК и прежде всего Хун Сена к дополнительной легитимации власти через нормы и понятия традиционной политической культуры. Характерно, что все более уверенные победы НПК на выборах сопровождаются активными усилиями самого премьер-министра предстать перед страной в образе традиционного лидера, обладающего сильной энергией покровительства.

Высшим источником власти традиционного правителя в Камбодже издавна считалась его праведность, которая включала три составляющих: 1) крупные подношения буддийской сангхе; 2) участие в ритуальном процессе; 3) соблюдение моральных заповедей. Все эти три признака “праведности” присутствуют в поведении Хун Сена.

Религиозную ситуацию, которая наблюдается в настоящее время в Камбодже, можно уверенно назвать буддийским ренессансом. Причем начался он еще в 1989 г., за 4 года до образования Королевства Камбоджа. Отправной точкой процесса возрождения стало публичное покаяние тогдашнего премьер-министра Государства Камбоджа — Хун Сена, который во время одного из официальных мероприятий в провинции Кампот встал на колени перед монахом и попросил прощение за то, что “правительство проводило ошибочный курс в отношении религии”, подразумевая те многочисленные ограничения, которые накладывались на верующих и монахов в 1980-е гг. [4, с. 5]. Затем последовало провозглашение буддизма государственной религией в 1990 г. и создание Министерства по делам культов и религии в 1992 г. В тот период подобные шаги Хун Сена были обусловлены прежде всего стремлением снять с себя обвинения в “провьетнамской ангажированности” и показать, что после вывода вьетнамских войск¹ из страны камбоджийцы смогут жить в соответствии со своими традиционными ценностями, в первую очередь — буддизмом, и он, как истинный кхмер, берет курс на их возрождение.

После 1993 г. с началом определенного экономического подъема в стране буддийский ренессанс выразился в первую очередь в крупномасштабном религиозном строительстве. За 15 лет в Камбодже было построено 1200 монастырей (в среднем 80 монастырей в год), около 1000 было вновь отремонтировано [6, р. 12; 21, 18.12.2008]. При этом нельзя не отметить поразительную щедрость, с которой Хун Сен финансировал развитие сангхи. Так, в начале 2003 и 2008 гг. в преддверии выборов он каждый месяц открывал по 6–7 монастырей, восстановленных или заново построенных преимущественно за

¹ В 1979–1987 гг. на территории Камбоджи находилось около 150 тыс. вьетнамских войск, вывод которых осуществлялся поэтапно и окончательно завершился в 1989 г.

его счет. Выступая с речью в июне 2003 г. в пагоде Чампей в провинции Кампонг Чхнанг, Хун Сен заявил: “Это — 46-я пагода, которую я открываю с начала этого года” [10]. Церемонии открытия новых монастырей сопровождались дарением сангхе крупных (по местным масштабам) сумм денег в размере от 2 до 15 тыс. долл. Щедрые пожертвования на религиозное строительство не прекращались и после выборов. В 2005 г. Хун Сен выделил из личных средств 110 тыс. долл. на программу восстановления монастырей общей стоимостью в 600 тыс. долл. [9, р. 174]. В 2008 г. в монастыре провинции Кандаль он председательствовал на открытии 93-метровой статуи сидячего Будды, возведение которой обошлось более чем в 2 млн. долл. [14]. При этом немалая часть расходов была покрыта из личных средств Хун Сена.

В целом высокий уровень подношений сангхе характерен для значительной части политической элиты НПК. От премьер-министра не отстают его заместитель Сок Ан, председатель Сената Чеа Сим, бывший министр внутренних дел Хок Лунди² и др. Эмблема НПК и личная монограмма Хун Сена красуются на многих пагодах страны. В храмах устанавливают стелы с именами главных дарителей. В результате активная поддержка буддизма верхушкой НПК стала важным элементом политического имиджа партии. По мнению американского кхмеролога Джоанны Леджервуд, на всеобщих выборах 2003 и 2008 гг. НПК настойчиво позиционировала себя как “партия буддизма” [19, р. 215].

В кхмерской религиозной традиции именно строительство монастыря приносит наибольшее количество религиозных заслуг. Религиозная заслуга — *бон* — это тот ценностный критерий, который по-прежнему служит для основной массы камбоджийского населения важным средством идентификации себя и других, определения своего статуса в социальной иерархии, структурирования общественного поведения в целом. Чем большими религиозными заслугами обладает человек, тем более высокое место уготовлено ему в традиционной иерархии. Именно поэтому “зарабатывание заслуг” — это всегда публичный акт, особенно если это касается политических деятелей. Камбоджийский политолог Оун Пун, анализируя культурно-политические традиции кхмеров, сохранившие свою актуальность до наших дней, отмечает, что концепция религиозных заслуг по-прежнему оказывает влияние на политическую жизнь страны. «Руководители Камбоджи, — пишет он, — это люди, имеющие “заслуги”... Чем более ответственный пост занимает человек, тем большими “заслугами” он обладает. Данная установка — важнейший фактор, способствующий процветанию патернализма власть предержащих над простым народом Камбоджи» [5, с. 7].

² Хок Лунди умер в ноябре 2008 г.

Храмы, построенные на деньги Хун Сена, как правило, имеют очень богатое внешнее убранство и обильно декорированы золотом, что является дополнительной демонстрацией высокого духовного и политического статуса дарителя.

Хун Сена все чаще называют, в том числе и представители буддийской сангхи, *монух миен бон*, что подразумевает человека, обладающего большим объемом религиозных заслуг, позволяющим ему “трансформировать” общество. При этом под трансформацией подразумевается восстановление “нарушенного” традиционного (гармонизированного) порядка, что всегда входило в функции традиционного правителя.

Хун Сен все более демонстративно позиционирует себя как патрона буддийской сангхи. Денежные подношения монашеской общине со стороны Хун Сена по своим суммам, частоте, а главное разрекламированности намного перекрывают религиозную благотворительность короля, традиционного покровителя буддийского монашества.

Казалось бы, подобная широкомасштабная религиозная благотворительность независимо от политических амбиций Хун Сена и его соратников по партии серьезно укрепляет также позиции монашества и буддизма в целом, что идет на благо обществу, где в течение нескольких десятилетий насилие было нормой жизни. Однако в реальности социально-политические последствия столь щедрых дарений далеко не однозначны. Стремительный рост численности монастырей резко обострил проблему дефицита подготовленных монашеских кадров, особенно руководящего состава. В результате многие храмы возглавляют слабо разбирающиеся в буддийском учении, плохо знакомые со своими обязанностями и малоавторитетные у мирян *меваты*³, а некоторые монастыри и вовсе остались без настоятелей. По признанию сотрудников Министерства по делам религии и культов, “в стране строится слишком много монастырей и лучше бы затрачиваемые на это денежные средства направить на другие нужды буддийской сангхи” [18, р. 159].

Огромные денежные вливания ведут, по общему мнению, к коммерциализации сангхи и резкому имущественному расслоению среди монастырей: те из них, которые построены на денежные подношения политической элиты, как правило, относятся к числу очень состоятельных (недаром в народе их прозвали “*вуат сет-хей*” — “монастыри-богачи”). Традиционно в Камбодже, как и в любой другой буддийской стране, существовала социально-имущественная дифференциация монастырей, среди которых имелись как крупные, богатые, так и бедные, захолустные. При этом имущественное положение монастыря определялось многими факто-

³ Меват — глава монастыря.

рами, обуславливающими его привлекательность для верующих и “дарителей”. Среди них — древность храма, наличие буддийских реликвий, собрание религиозных текстов, ученость и моральный облик монахов, выгодное месторасположение и т. д.

В наши дни финансовая состоятельность монастыря в решающей степени зависит от личных предпочтений политической элиты. Издавна в Камбодже существовало неписаное правило, что монастырь, особенно богатый, значительную часть средств тратит на обучение своих монахов и приобретение священных текстов. В современных условиях это особенно важно, так как буддийская сангха Камбоджи пока не смогла восстановить свой интеллектуальный потенциал, фактически полностью уничтоженный в период правления режима “красных кхмеров”. Однако сейчас основная часть средств, полученных в качестве дарений, тратится, главным образом, на внешнее убранство храма. “В таких храмах даже подсобные помещения выложены золотом”, — говорят, посмеиваясь по этому поводу, сами кхмеры. Возможность относительно легко получить деньги на строительство нового монастыря оборачивается реальной угрозой для старых храмовых построек с древней настенной росписью, представляющих историческую ценность и нуждающихся в серьезной реставрации. Их легче снести, возводя на их месте новые храмовые сооружения [22, р. 9].

Внешняя роскошь современных храмов вызывает раздражение у старшего поколения камбоджийцев, в памяти которых живы воспоминания о храмовой архитектуре 60-х гг. прошлого века. Они с горечью говорят о забвении культурных национальных стандартов, о “кричащем стиле” новоделов, противоречащем кхмерской религиозной традиции, для которой характерны деревянные храмы, окрашенные в мягкие приглушенные тона, со скромным внутренним убранством [17, р. 344].

По мнению многих рядовых камбоджийцев, политическая элита “монополизировала” зарабатывание религиозных заслуг в своих собственных целях. Как уже говорилось ранее, именно строительство монастыря занимало верхнюю ступень в иерархии “благих деяний”. Обычно денежные подношения камбоджийцев на строительство храма были невелики. Они строили монастырь “всем миром”: кто-то давал стройматериалы (песок, дерево, кирпичи), кто-то приносил рис, который использовали в качестве денежного эквивалента для обмена на недостающие стройматериалы⁴, кто-то сам работал на стройке. Именно такое совместное действо и порождало чувство

⁴ В 60-е годы XX в. во многих кхмерских монастырях создавался так называемый “строительный фонд”, средства которого монахи использовали на ремонт, реконструкцию или расширение монастыря. Как правило, крестьяне после сбора урожая делали вклад в этот фонд рисом.

“крестьянской солидарности” и “национального единства”, воспитывало дух взаимопомощи. Кхмерская элита, придерживаясь этой традиции, жертвовала на возведение храмов незначительные суммы, оставляя рядовым кхмерам нишу в зарабатывании заслуг через строительство монастыря [1, с. 31–35].

В настоящее время, по утверждению многих рядовых камбоджийцев, партийные и государственные боссы — *неак тхом* — постепенно вытесняют из их духовного мира важнейшую составляющую — участие в строительстве монастыря [17, р. 348]. Дело в том, что монастыри в большинстве своем не нуждаются в скромном по размеру вкладе простого кхмера. Получая крупные суммы денег от политической верхушки⁵, они предпочитают закупать на них необходимые стройматериалы и нанимать профессиональных рабочих. Возможность быстро получить значительные денежные средства на нужды монастыря приводит к тому, что духовенство подчас само ищет влиятельных покровителей среди правящей партии, активно зазывая их к себе для участия во всевозможных религиозных церемониях. Как правило, монахи объясняют это тем, что приход “высокопоставленного члена НПК гарантирует им не только крупную сумму денег, но и покровительство со стороны местных властей” [17, р. 348–349].

Коммерциализация буддизма крайне негативно сказывается на моральном облике части буддийского монашества. Нередко миряне нелицеприятно отзываются о поведении духовенства: «Сейчас монахи изыскивают любые способы, чтобы получить деньги, и самый надежный путь — пригласить на церемонию в монастырь высокопоставленного чиновника. Сегодня многие кхмеры видят в пагоде не храм, а место, где “делают деньги”» [17, р. 350].

Выступая в декабре 2008 г. на XVII Всекамбоджийском буддийском конгрессе, премьер-министр вынужден был признать, что в обществе растет недоверие к буддийской сангхе, так как “часть монахов используют буддизм для личного обогащения”⁶ [21, 18.12.2008]. Камбоджийский политолог Чеа Ваннат, основываясь на результатах социологических опросов, указывает на рост числа конфликтов между мирянами и монахами, так как, по ее словам, в условиях быстрого экономического роста и влияния процессов глобализации “монахи больше думают о собственном благополучии, а не об учении Будды” [21, 19.12.2008].

⁵ Следует отметить, что значительные средства на храмовое строительство поступают также из кхмерских диаспор из-за рубежа. Часто богатые кхмеры-эмигранты, желая помочь стране, хотят видеть наглядное применение своим пожертвованиям и выделяют деньги на сооружение конкретного монастыря.

⁶ В своем выступлении, не называя имен, Хун Сен привел в пример факт, когда настоятель монастыря на денежные подношения мирян купил себе автомобиль.

Однако, критикуя монахов за нарушения буддийских предписаний, обвиняя их в нечестности, миряне все же продолжают их поддерживать материально, объясняя это тем, что они поклоняются не конкретному монаху, а сангхе в целом и Будде, которого она представляет. Вот, к примеру, признание одной камбоджийской крестьянки, отражающее позицию многих верующих: “Мы знаем, что монахи не всегда честны, но я все равно несу им подношения. Ведь через монаха я делаю подношение Будде. А уж честен ли монах — это его дело. Я заработаю заслугу, даже если монах заберет мое подношение себе, а не использует на благо храма” [20, p. 285]. Подобная религиозная практика в современной Камбодже свидетельствует об усилении прагматизма и резком ослаблении традиционно очень важной морально-этической составляющей в отношениях между монахами и мирянами.

Наглядным свидетельством снижения значимости моральных предписаний как для части духовенства, так и для мирян стало появление на улицах Пном Пеня высокопоставленных монахов в сопровождении телохранителей. Монах из крупного столичного монастыря Ват Ботум, сам пользующийся услугами телохранителя, объясняет это так: “Иногда люди не относятся к нам с той долей уважения, как того требует монашеский сан, и нападают на нас. Когда же у нас есть телохранители, мы можем чувствовать себя спокойно” [21, 22.09.2008]. Однако, по мнению рядовых жители столицы, монахи стали пользоваться услугами охранников, боясь воров, поскольку носят с собой дорогие мобильные телефоны и крупные суммы денег [21, 22.09.2008].

Щедрый денежный патронаж буддийской сангхи со стороны правящей партии во главе с Хун Сенем объективно ведет к политической ангажированности части буддийского духовенства, особенно его руководства. Так, глава сангхи Камбоджи Теп Вонг далеко не всегда соблюдает принцип невмешательства в политику, открыто отдавая предпочтение НПК. В одном из интервью газете “The Phnom Penh Post” он откровенно заявил: “...в стране есть партия-хозяин, которая правит. Другие партии — это просто гости. Только партия-хозяин возрождает и защищает буддизм. Партии-гости разрушают национальную идентичность кхмеров” [21, 15–28.12.2006]. Выступая на Всекамбоджийском буддийском конгрессе, министр по делам культов и религии Мин Кхин особо отметил вклад духовенства в победу НПК на всеобщих выборах летом 2008 г. По его словам, за нее проголосовали 20 тыс. монахов, участвовавших в выборах [21, 19.12.2008].

Активно зарабатывая религиозные заслуги, политическая элита намеренно актуализирует концепцию кармы, которая традиционно имела широкое распространение среди рядовых кхмеров. Первенство в публичном отстаивании жизненности концепции кармы принад-

лежит Хун Сену, который стремится к тому, чтобы она по-прежнему формировала ценностный климат камбоджийского общества. Так, выступая на открытии очередной буддийской пагоды, Хун Сен заявил: “Существует мнение, что именно из-за того, что кхмеры верят в карму, их страна такая бедная. Но мы бедные из-за неверной политики. А как же можно не верить в карму? Мы должны верить, что наши хорошие поступки создадут нам хорошую карму” [12].

В своих публичных выступлениях премьер-министр нередко соотносит результаты политической деятельности разных государственных лидеров с их кармой. В качестве примера лидеров, заслуживших плохую карму своей разрушительной политикой, он называет Лон Нола и Пол Пота. Так, вспоминая режим “красных кхмеров”, Хун Сен заключает: “Пол Пот разрушил религию, и какую карму он заслужил? Его постигла чудовищная смерть” [11].

Собственный жизненный путь он представляет как пример кармы рядового камбоджийца, который достиг столь высоких политических вершин только благодаря прижизненным “заслугам”. Рассмотрение жизненного пути Хун Сена в традиционных понятиях кхмерской культуры имеет важные социальные последствия. Оно несколько смягчает кармическую предопределенность человека, вселяет надежду на возможность добиться ощутимых успехов уже в этой жизни, мотивирует необходимость активных действий “здесь” и “сейчас”. В то же время в соответствии с кхмерскими представлениями “заработать” такую карму своими прижизненными усилиями под силу лишь человеку, обладающему “особыми” способностями — умом, проницательностью, работоспособностью. Все это вместе закрепляет за Хун Сеном репутацию человека с экстраординарной жизненной энергией.

Хун Сен позиционирует себя как государственного деятеля, заботящегося о моральном облике своих подчиненных. Он призывает чиновников “воздерживаться от несправедных дел”, ибо это послужит залогом их хорошей кармы. Снижение уровня насилия в обществе премьер-министр напрямую связывает с усилением влияния буддизма, который “доходит до сердца каждого”. Повышение эффективности работы правительства Хун Сен объясняет тем фактом, что высокопоставленные чиновники стали более тщательно следовать принципам буддизма, который учит людей “вершить только добрые дела” [13].

Хун Сен постоянно подчеркивает, что буддизм — это главный маркер национальной идентичности кхмеров. В этом отношении столь мощная поддержка буддийской сангхи со стороны премьер-министра представляет собой устойчивую демонстрацию его истинно кхмерской идентичности и патриотизма в противовес обвинениям в провьетнамских настроениях, которые и по сей день раздаются в его адрес со стороны оппозиции.

Важнейшая составляющая образа традиционного правителя — поддержание ритуала и участие в нем. Известный ученый-кхмеролог Д. Чэндлер, анализируя правление короля Анг Дуонга (1848–1859), отмечал, что подданные традиционно оценивали короля по тому, “как он умел организовать церемонии, связанные с определением границ сельскохозяйственного года, ритуалы по награждению чиновников статусами и должностями, а также ритуалы в отношении брахманских божеств, местных духов и буддийской сангхи” [8, р. 76–80].

С учетом этой традиции правящие круги страны в 1990-е гг. заметно усилили внимание к всевозможным буддийским праздникам, возведя многие из них в ранг государственных. Так, *Бон катхен* и *Бон пхтюм бен*⁷ ныне официально являются выходными днями. Политическая элита во главе с Хун Сенем призывает к тщательному соблюдению церемониальной стороны праздничных торжеств и их строгому соответствию кхмерским обычаям.

Хун Сен выступил инициатором возрождения ряда добуддийских праздников, связанных с определением границ сельскохозяйственного года и будущим урожаем. Так, к примеру, носивший еще в 60-е гг. XX в. локальный характер праздник возжигания свечей (*сомрок тиен*⁸), в ходе которого предсказываются сроки и обильность выпадения осадков, а значит и перспективы будущего урожая, сейчас отмечают на государственном уровне. Празднование проходит в столице около Королевского дворца, и Хун Сен — непререкаемый организатор и участник подобных торжеств. Иностранные журналисты на таких мероприятиях нередко задаются вопросом, верит ли сам премьер-министр в эти ритуалы? Однако главная цель участия в них Хун Сена не имеет никакого отношения к его вере или неверию. Премьеру в данном случае важно продемонстрировать качества традиционного правителя, который является “организатором жизненного пространства” своих подданных и благодаря своей праведности способен посредством специальных ритуалов “усмирять” духов вод и земли, направляя их силы на процветание страны.

Праздник поминовения усопших — *Бон пхтюм бен* — камбоджийцы отмечают, как того требует традиция, 15 дней. В течение этих двух недель они еще до рассвета (в 4–5 ч утра) приносят в храм угощения, специально приготовленные для душ своих умерших

⁷ *Бон пхтюм бен* — праздник поминовения усопших; *Бон катхен* — крупнейший буддийский праздник, во время которого традиционно собирают средства на нужды сангхи.

⁸ В ходе церемонии на бамбуковые палки привязывают крупные восковые свечи, и по очертаниям расплавленного воска ачарья (руководитель данной религиозной церемонии) предсказывает перспективы выпадения осадков и будущего урожая. Важной частью церемонии является чтение заклинаний о ниспослании дождя, обращенных к брахманским божествам.

родственников, а вечером вновь приходят в храм, чтобы до глубокой ночи слушать заупокойные молитвы монахов. Столь длительные праздничные торжества подчас вызывают определенную озабоченность у работающих в Камбодже западных экономических экспертов, отмечающих “неспособность камбоджийцев соотнести свои культурные традиции с реальностью современного мира” [21, 12–25.10.2001]. Указывая на резкое падение производительности труда в ходе двухнедельных праздников, они советуют кхмерам “в интересах экономического развития страны сократить празднование Бон пхтюм бена до одного дня” [21, 12–25.10.2001]. Однако с каждым годом этот праздник отмечается все с большим размахом. Кхмеры твердо убеждены, что именно церемонии, совершаемые ими в честь духов усопших, гарантируют спокойствие и процветание камбоджийского общества в будущем⁹. Камбоджийцы признаются, что им “приятно уже с раннего утра видеть толпы людей в храмах” [21, 23.09–06.10.2005].

Как для политической элиты, так и для рядовых камбоджийцев праздники являются удобным поводом продемонстрировать свою приверженность буддизму и кхмерским традициям. По неофициальным данным Министерства по делам культов и религии, на организацию Праздника Воды¹⁰ правительство ежегодно тратит около 400 тыс. долл., а подношения сангхе во время празднования Бон катхена превышают 6 млн. долл. [21, 16–29.10.1998].

В традиционном кхмерском обществе иерархическая значимость чиновника определялась титулом, которым его награждал правитель. Система титулов была очень разветвленной и сложной. Обращение к чиновнику только по имени без полного титула каралось высоким штрафом. С восстановлением монархии в 1993 г. были возрождены и ее функции по награждению чиновников титулами, в чем явно

⁹ Кхмеры считают, что души людей, умерших насильственной смертью, а также тех, чьи тела по какой-либо причине не были кремированы в присутствии монахов, могут вернуться и мстить живым, насылая на них всевозможные невзгоды. Данные поверья кхмеров приобрели особую актуальность после правления режима “красных кхмеров”, когда погибли более 1,5 млн. человек. Многие камбоджийцы напрямую связывают рост криминогенной обстановки в стране с “возвращением” душ убитых при “красных кхмерах”. Примечательно, что бывшие руководители режима “красных кхмеров”, в частности Нуон Чеа и Кхиеу Самфан, которые в настоящее время находятся под стражей и выступают в качестве обвиняемых в преступлениях против человечности, оказались “большими приверженцами” этого праздника, упраздненного ими же в период нахождения у власти. Так, родственники Нуон Чеа и Кхиеу Самфана обратились к властям с просьбой отпустить их домой на время праздников, чтобы они смогли сходить в пагоду и отметить Бон пхтюм бен, который, по словам родных, Нуон Чеа и Кхиеу Самфан регулярно отмечали до их ареста.

¹⁰ Праздник Воды празднуется в начале ноября и посвящен повороту вод реки Тонлесап.

прослеживается стремление к сакрализации властных структур. Численность носителей высших титулов в настоящее время значительно увеличилась не только по сравнению с годами правления Н. Сианука, но даже с доколониальным и колониальным периодами. Так, титул *самдеть* (его величество) — высший титул в феодальной Камбодже, его обладателями были не более 5 человек, как правило, — наиболее авторитетные члены королевского дома, занимавшие важные административные посты, и особо выдающиеся главы буддийской сангхи. Сейчас этим титулом награждены более десяти чиновников. В их число входят сам Хун Сен, а также председатель НПК и Сената Чеа Сим, почетный председатель НПК и председатель Национального собрания Хенг Самрин. В конце 2007 г. Хун Сен был награжден еще одним титулом XIX в. — *самдеть акке моха сена падей тетью* (могущественный военачальник). Слово “тетью”, которое переводится как “могущественный”, в кхмерском языке подразумевает могущество, основанное на авторитете. Столь высокий титул означает признание королем особых государственных заслуг премьер-министра.

Традиционно значимость титула отражалась и в количестве составляющих его элементов. Сейчас титул Хун Сена по этому показателю равен титулу короля-отца Нородома Сианука. Комментируя свое награждение, Хун Сен, в частности, сказал: «Я не мог даже мечтать о таком высочайшем титуле, который даровал мне король, титул, которым не награждался ни один камбоджийский чиновник в XX в. Я совершил невероятное восхождение от храмового мальчика¹¹ до “тетью”» [15]. Поскольку единственным носителем этого титула в стране является Хун Сен, его часто называют просто *самдеть тетью*, а такое раньше было позволительно только в отношении Н. Сианука, которого в 1960-е гг. называли *самдеть аз* — (папа-принц). Одновременно с Хун Сеном высокими титулами XIX в. король наградил еще двух партийных боссов НПК — Чеа Сима и Хенга Самрина.

Сам Хун Сен не может даровать титулы, так как это право принадлежит исключительно королю, но он выступает инициатором награждения традиционными титулами. Так, в 2006 г. по его предложению главе буддийской сангхи Теп Вонгу, преданному стороннику премьер-министра, был дарован титул “Великий верховный патриарх” — титул, введенный в 1857 г. королем Анг Дуонгом и впоследствии упраздненный французами [3, с. 140]. Возрождение религиозного титула времен Анг Дуонга достаточно символично,

¹¹ Хун Сен в детстве в течение года жил в монастыре в качестве храмового мальчика. Традиционно бедные многодетные семьи, не имеющие возможности отдать ребенка в школу, отправляют его на ка-кое-то время в монастырь, где он находится на содержании у монахов и получает начальное образование.

как и тот факт, что Хун Сен выделяет значительные пожертвования на восстановление монастырей в окрестностях старой столицы Удонга. В этом просматривается стремление Хун Сена соотнести свою деятельность в религиозной сфере с реформами Анг Дуонга по возрождению буддийской сангхи.

В 2003 г. пресс-служба премьер-министра выступила с официальным заявлением о том, что “Хун Сен — не королевской крови”. Позднее разъяснили, что подобное заявление понадобилось в связи с тем, что “многие кхмеры считают Хун Сена реинкарнацией самого великого Ангкорского монарха Джайявармана VII” [19, р. 219]. Крайне сомнительно, что подобное мнение действительно было распространено среди населения. Скорее, опровержение имело своей целью, во-первых, заронить эту идею среди кхмеров, а во-вторых — показать, что роль традиционного правителя может выполнять человек не королевского происхождения. Впоследствии Хун Сен неоднократно в публичных выступлениях прямо или косвенно “намекал” камбоджийцам, что часть из них ставят его вровень с Джайяварманом VII и Нородомом Сиануком. Так, в 2008 г. во время посещения Технологического института премьер сказал: “Группа студентов выступила с инициативой присвоить мне титул Великого государственного деятеля. Я был этим просто шокирован и объяснил им, что такого титула достойны правители уровня Джайявармана VII и Нородома Сианука” [15].

Стремление премьер-министра соотнести себя с кхмерскими монархами прослеживается и в очевидном копировании им манеры политического поведения Н. Сианука в 50–60-е гг. XX в. Хун Сена отличает такая же необыкновенная мобильность (постоянные поездки по стране, способность в течение одного дня посетить разные провинции страны), он лично присутствует при открытии даже самых малых экономических или социальных объектов (мостов, дорог, каналов, медпунктов, школ и т. д.), участвует во всех сколько-нибудь значимых мероприятиях государственного уровня. Выступая на открытии буддийской пагоды в провинции Такео в начале июля 2003 г., премьер отметил, что за полгода он совершил 83 рабочих поездки по стране. Следует заметить, что такая интенсивность встреч с населением сохраняется на протяжении всех 15 лет его пребывания у власти в Королевстве Камбоджа¹². В среднем в месяц у Хун Сена бывает около 15 поездок по провинциям. Примечательно, что в его бытность на посту премьер-министра Народной Республики Кампучия в 1985–1989 гг. подобный стиль руководства был для него нехарактерен.

¹² Хун Сен занимает пост премьер-министра Королевства Камбоджа с 1993 г. В 1985–1989 гг. занимал пост премьер-министра Народной Республики Кампучии, в 1989–1993 гг. — премьера Государства Камбоджа.

Хун Сен подражает манере Н. Сианука и в общении с населением: его можно увидеть по колено в воде на рисовом поле, с лопатой в руке на строительстве канала, с банкой, собирающим сок гевеи, везущим старика в инвалидной коляске, спускающимся на вертолете посреди кхмерской деревни и всегда в обнимку с простыми камбоджийцами. Подобно Н. Сиануку, Хун Сен виртуозно овладел тщательно разработанной социальной риторикой на тему “маленького человека”. Премьер постоянно публично подчеркивает, что “говорит с кхмерскими крестьянами на одном языке” и что “только бедные могут понять бедных”, подразумевая, что и сам он выходец из бедной крестьянской семьи. В своих выступлениях Хун Сен часто вспоминает детство и тот факт, что родители отдали его в храм, а положение “храмового мальчика” у кхмеров ассоциируется с бедностью и многодетностью. Он призывает своих соратников по партии никогда не забывать “вкус бедности” [16].

Хун Сен блестяще использует “политический конек” Н. Сианука — благотворительность, в частности строительство за свой счет объектов социального назначения (школ, библиотек, больниц, ирригационных сооружений), которые называют его именем. В прежние времена в Камбодже было принято присваивать различным учреждениям социального назначения имена видных кхмерских монархов и, в отдельных случаях, членов королевской семьи. Теперь же Хун Сен опережает королевскую семью как по суммам благотворительных вкладов, так и по числу объектов, носящих его имя. Так, в 1998 г. личные подарки Хун Сена, выделенные на развитие социальной сферы, оценивались в 25 млн. долл. [2, с. 85]. Согласно данным его пресс-службы, только за один месяц 2004 г. личные дарения Хун Сена составили 170 тыс. долл. наличными, 58 школьных зданий, 5 мостов, 400 тонн риса, 130 тонн цемента, 320 швейных машин, а также множество различной техники (компьютеры, принтеры, телевизоры) [7].

Как при Н. Сиануке, так и при Хун Сене наблюдается безмерная персонификация любых достижений страны. Все успехи в экономической, социальной и внешнеполитической сферах связываются только с личным вкладом премьера. Это облегчает насаждение в массах идеи о неспособности какого-либо другого политического деятеля возглавить государство в случае ухода Хун Сена с поста премьер-министра и опасности в связи с этим вакуума власти, чреватой утратой политической стабильности и снижением темпов экономического роста.

С начала 2000-х гг. в Камбодже можно заметить постепенное возвышение жены премьера — Бун Рани. В последние 3–4 года она сопровождает Хун Сена во время большинства его встреч с населением. Все чаще они совместно выделяют личные средства на финансирование социальной сферы, а построенным объектам наряду

с именем премьера присваивается и ее имя. Символично, что она возглавляет “Красный крест”, который в прежние времена возглавляла супруга Нородома Сианука — Моник Сианук, теперешняя королева-мать. В последнее время в сферу общественных интересов первой леди страны все чаще попадают “нормы общественной морали”, традиционным блюстителем которых является король. Бун Рани выступает с резкой критикой добрачных сексуальных отношений, призывает убрать с телевидения слишком “сексуально” одетых ведущих, провести инспекцию всех ночных клубов и т. д. Она — постоянный участник ежегодных конференций, которые проводит Национальный комитет по продвижению моральных ценностей. Социальная активность Бун Рани сравнима только с общественной деятельностью Моник Сианук в 50–70-е гг. XX в.

Наконец, Хун Сен, подобно Н. Сиануку, стремится предстать перед обществом “многогранной” личностью. Общеизвестно, что Н. Сианук — художественно одаренная натура. Он писал сценарии к фильмам, выступал в качестве режиссера и сочинял музыку. В 1967 г. на Московском кинофестивале за музыку к фильму “Тень над Ангкором” он получил почетный приз. В 1990-е гг. Хун Сен начал писать песни, как правило, социально ориентированные. Рассказывая в них то о “храмовом” периоде своего детства, то о страданиях жены, разлученной с мужем при “красных кхмерах”, то о возведении моста в провинции Кандаль, он постоянно подчеркивает тесную связь своей личной жизни с судьбой страны.

Тяга Хун Сена к традиционным формам легитимации власти объясняется как объективными, так и субъективными факторами. В первую очередь это склонность преобладающей части политической элиты к абсолютизации традиционных составляющих политической культуры, таких как патронажно-клиентельные отношения, патерналистский характер верховной власти, система статусной иерархии, приверженность концепции кармы и их консервации в качестве основы отношений между властью и гражданами. Премьером также движет желание сохранить поддержку значительной части сельского электората, испытывающей сильную приверженность традиционным ценностям.

Обращаясь к многовековому культурно-религиозному наследию в условиях новой социально-экономической и политической реальности, Хун Сен рассчитывает в какой-то мере смягчить последствия стремительной вестернизации (пусть даже довольно поверхностной), которой подверглась страна за последние годы, и тем самым несколько погасить социальное недовольство в обществе, а также противостоять влиянию процессов глобализации, размывающих национальную самобытность.

Нельзя не учитывать и личные амбиции Хун Сена, в частности его желание персонифицировать все политическое пространство

страны, как это когда-то удавалось Н. Сиануку. Достичь подобной цели только лишь с помощью демократической процедуры выборов в камбоджийском обществе едва ли возможно, необходимо использовать ценностные установки традиционной политической культуры, сохраняющие высокий авторитет у населения.

Пример Камбоджи демонстрирует характерное для политической жизни стран Востока причудливое соединение элементов западной либеральной демократии и местных культурно-политических традиций. Одновременно он еще раз подтверждает, что знание только лишь внешней структуры власти чревато угрозой ее неверного истолкования в случае отсутствия ясного представления о том, как сама эта власть воспринимается обществом, каким нормам, в том числе этическим, она должна соответствовать, чтобы считаться действительно легитимной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бектимирова Н.Н.* Буддийская сангха в независимой Кампучии. М., 1981.
2. *Бектимирова Н.Н., Дольникова В.А.* Камбоджа и Таиланд: тенденции политического развития. М., 2007.
3. *Бектимирова Н.Н., Дольникова В.А.* Альтернативные пути демократизации на примере Камбоджи и Таиланда. М., 2009.
4. *Водано Сопхан.* История кхмерского буддизма. Пном Пень, 2005 (на кхмерском яз.).
5. *Оун Пун.* Противоречия и трудности продвижения Камбоджи по демократическому пути. Пном Пень, 1993 (на кхмерском яз.).
6. Buddhism in Cambodia // Cambodia Report. Special Issue. Vol. II. N 2. Phnom Penh, 1996.
7. Cambodia New Vision [Official site]. URL: <http://www.cnv.org.kh>. (дата обращения: 16.07.2009)
8. *Chandler D.* Facing the Cambodian Past: Selected Essays 1971–1994. Chiang Mai, 1996.
9. *Harris I.* Entrepreneurialism and Charisma // Expressions of Cambodia / Ed. by Leakthina Chau-Pech Ollier and Winter T. London; New York, 2006.
10. *Hun Sen.* Selected Address at the Inauguration of a Buddhist Temple in Pagoda of Champei Kompong Tralach District, Kompong Chhang Province. 21.06.2003 // Cambodia New Vision [Official site]. URL: <http://www.cnv.org.kh>. (дата обращения: 16.07.2009).
11. *Hun Sen.* Selected Address at the Inauguration of a Buddhist Temple of the Chak Andet Pagoda Bati District, Takeo Province. 16.03.2003 // Cambodia New Vision [Official site]. URL: <http://www.cnv.org.kh>. (дата обращения: 16.07.2009).
12. *Hun Sen.* Selected Address during Inauguration of the Buddhist Temple in the Prey Rumduol Pagoda, Svay Rieng Province. 13.01.2003 // Cambodia

New Vision [Official site]. URL: <http://www.cnv.org.kh>. (дата обращения: 16.07.2009).

13. *Hun Sen*. Selected Comments at the Inauguration of the Buddhist Hall in Pagoda of Sovanmuni of Phnom Penh. 07.04.2006 // Cambodia New Vision [Official site]. URL: <http://www.cnv.org.kh>. (дата обращения: 16.07.2009).

14. *Hun Sen*. Selected Comments at the Inauguration of the Buddhist Statue in the Tuol Prah Raja Pagoda in Kandal Province. 27.02.2008 // Cambodia New Vision [Official site]. URL: <http://www.cnv.org.kh>. (дата обращения: 16.07.2009).

15. *Hun Sen*. Selected Comments at the Inauguration of Female Dormitory at the Cambodian Institute of Technology. 12.12.2007 // Cambodia New Vision [Official site]. URL: <http://www.cnv.org.kh>. (дата обращения: 16.07.2009).

16. *Hun Sen*. Selected Comments at the First Meeting at the Forth Legislature cabinet. 26.12.2008 // Cambodia New Vision [Official site]. URL: <http://www.cnv.org.kh>. (дата обращения: 16.07.2009).

17. *Kent A*. Purchasing Power and Pagodas: The Sima Monastic Boundary and Consumer Politics in Cambodia // *Journal of Southeast Asian Studies*. 2007. N 38.

18. *Ledgerwood J*. Buddhist Practice in Rural Kandal Province, 1960 and 2003 // *People of Virtue* / Ed. by A. Kent, D. Chandler. Copenhagen. 2008.

19. *Ledgerwood J*. Ritual in 1990 Cambodian Political Theatre // *At the Edge of the Forest*. Ithaca; New York, 2008.

20. *Nissen Ch*. Buddhism and Corruption // *People of Virtue* / Ed. by A. Kent, D. Chandler. Copenhagen. 2008.

21. The Phnom Penh Post.

22. *Roveda V. Sothon Yem*. Buddhist painting in Cambodia Bangkok, 2009.